

Глава 8. Муж, который умеет готовить

—
Цинь Сюн ушел вполне довольный этим визитом. Он не стал больше придирается к Ду Хэну и, отдав принесенное, сразу же покинул дом.

Ду Хэн опустил старую лопатку в котел с кормом для свиньи. Увидев, что лежащий на дне батат разварился и стал мягким, он понял, что варево готово, и погасил огонь.

Заметив, что туман на улице немного рассеялся, он решил выйти проветриться. Однако, едва ступив за ворота на раскисшую землю, тут же пожалел об этом: проселочная дорога размокла от дождя, и из-за частых прохожих превратилась в сплошное месиво. Пройдя пару шагов, он предпочел вернуться.

Едва он развернулся, как услышал голоса двух подростков с другого конца тропинки:

— Этот Цинь Сяомань просто невыносим! Вместо того чтобы нормально копать побеги, поперся собирать каштаны. Сезон-то уже на исходе, товара почти нет, а он – хорош! Стоило нам отвернуться, чтобы поставить плетеные ловушки, как он уже на дерево залез и все лучшие каштаны обобрал.

— И не побоялся же в такой дождь на такую верхотуру лезть! Не ровен час, свалился бы да расшибся насмерть!

— Эх, ладно тебе. Деревья на общинной горе общие: мы можем собирать, и он может. А спорить с ним в лицо всё равно не переспоришь.

Тот, что помладше, всё не унимался:

— В нашей деревне ни один гер не ведет себя так нагло. Поделом ему, что семья Чжао от него отказалась, – так всю жизнь и просидит, никто замуж не возьмет.

— Слыхал, он себе зятя в дом нашел? Сегодня утром тетушка Цинь моей матери рассказывала.

— Да ну? Неужто кто-то на него позарился?

— Да какой там «позарился»! Говорят, хромой какой-то, из тех, что милостыню просят. Забрел в нашу деревню, а тот его и прибрал.

Мальчишки лет одиннадцати-двенадцати увлеченно сплетничали, как вдруг подняли глаза и увидели Ду Хэна, стоявшего у ворот дома Цинь. Заметив незнакомого мужчину с чистым, благородным лицом и статной осанкой, оба невольно оторопели.

Проходя мимо него, подростки по негласному уговору прикусили языки и прибавили шагу. Миновав дом Цинь, они не удержались и обернулись. Увидев, что Ду Хэн всё еще стоит у ворот и смотрит им вслед, мальчишки припустили во всю прыть.

Ду Хэн нахмурился. Не стоило винить Сяоманя в его «властном нраве»: будь он кротким и покладистым, в этой деревне его бы заклевали. Вздохнув, Ду Хэн вернулся на кухню, рассудив, что хозяин скоро должен вернуться.

После полудня дождь прекратился, и с горы потянулись люди.

Среди них был и Цинь Сяомань. Он снял соломенный плащ и уложил его в корзину, следом отправилась и соломенная шляпа. Хотя во второй половине дня дождя не было, деревья в горах накопили много влаги, и с них постоянно капало. Почти весь день Сяомань провел в плаще, но одежда под ним всё равно местами промокла.

Пока он работал, холод не ощущался, но на открытом месте ветер сразу пробирал до костей сквозь сырую ткань. Впрочем, ему было не привыкать. Сбор каштанов занял много времени, поэтому сегодня он возвращался позже обычного. Понимая, что дома еще полно дел – нужно и скотину кормить, и ужин готовить, – он невольно прибавил шагу.

Несмотря на бесконечные хлопоты, мысль о том, что дома его теперь кто-то ждет, согревала сердце. Теперь там не будет так пусто и одиноко. От этой мысли шаги стали увереннее.

— Я вернулся! — крикнул Сяомань, едва подойдя к воротам. И не успело эхо затихнуть, как он услышал звук открываемой двери.

На душе стало радостно. Он толкнул калитку и действительно увидел Ду Хэна на пороге дома.

— Чем это пахнет? — Сяомань, войдя во двор, принюхался. — Неужели вторая тетка сжалилась и прислала готовое мясо?

Ду Хэн улыбнулся, глядя на Сяоманя с влажными волосами, и протянул руку, чтобы забрать у него корзину:

— Нет, второй дядя приносил мясо днем.

— Тогда почему так вкусно пахнет?

Не успел Ду Хэн ответить, как Сяомань, бросив корзину, пулей влетел на кухню. Ду Хэн поспешил за ним, прихрамывая.

— Ты... ты приготовил еду?!

Цинь Сяомань, вдыхая аромат, поднял крышку котла. Там, в тепле, стояла тарелка с дымящимися маринованными овощами, обжаренными с измельченной свининой и миска дымящегося белого риса. В воде, на которой грелась еда, варилась редька.

Горячий ужин из двух блюд и супа!

Изумление Сяоманя было не передать словами. Но и это не всё: во втором котле уже был готов корм для свиньи. Всё, что он планировал сделать по возвращении, Ду Хэн уже сделал за него.

Ду Хэн негромко кашлянул. Раз он сам приготовил еду, то это уже не считается «мягким рисом», верно?

— Посмотри, будет ли тебе по вкусу.

Когда возвращаешься домой и тебя ждет горячий ужин – это уже предел мечтаний, кто тут станет привередничать? Цинь Сяомань был так взволнован и обрадован, что не знал, что сказать, и лишь судорожно вытирал ладони о края своей одежды.

— Одежда промокла, прими сначала горячую ванну, а потом поедим, иначе можно простудиться.

Ду Хэн видел, что тот вне себя от радости и будто растерялся, поэтому сам начал черпать горячую воду в ведро. Сяомань выхватил у него черпак:

— Я сам, я сам!

Глядя, как тот подхватил ведра и легким шагом направился в ванную, Ду Хэн вспомнил о своем недавнем обмороке. Лицо его слегка покраснело, и он не решился идти следом, чтобы помогать с водой.

Под навесом он достал плащ Сяоманя из корзины, встряхнул его и повесил на стену. В корзине он увидел каштаны – она была заполнена почти наполовину. Горные каштаны были мелкими, колючие оболочки уже лопнули, обнажая красно-коричневые плоды. Все они были один к одному – явно отобраны вручную.

Ду Хэн вдруг вспомнил: вчера, когда Чжао Ци приносил каштаны, он в разговоре с Сяоманем вскользь упомянул, что сейчас «сезон каштанов». Осознав это, он крепче сжал каштан в руке и посмотрел в сторону ванной комнаты.

— Пока копал побеги, увидел, что каштаны хорошие, вот и собрал немного. На том дереве их уйма, — сказал вышедший за одеждой Сяомань, заметив, что Ду Хэн разглядывает находку. — В итоге выкопал всего пару зимних побегов, зато каштанов набрал прилично. В городе за них много не выручишь, так что давай сами съедим.

Ду Хэн смотрел на него, и в сердце рождалось странное, необъяснимое чувство.

— Пойду возьму одежду и вымоюсь.

Пока Сяомань мылся, Ду Хэн, надев рукавицы, с помощью щипцов для углей начал очищать каштаны. Каштаны вкусные, но колючки на их оболочках очень коварны – того и гляди вопьются в кожу. К счастью, почти все они уже раскрылись.

Очищенных плодов набралась небольшая миска. Ду Хэн занес ее в дом, а скорлупу сложил в углу двора: когда просохнет, пойдет на растопку. В крестьянском доме всё – от нитки до сорняка и рисовой шелухи – идет в дело, жизнь здесь строят на строгой экономии и расчете. Ду Хэн три года проработал сельским чиновником, так что понимал это как никто другой.

Осталось три или четыре зимних побега разного размера. Вместе с оболочкой они тянули цзиней на пять. Ду Хэн аккуратно очистил их от корней; неповрежденные побеги в оболочке могли храниться довольно долго.

К тому времени, как он закончил с корзиной, Сяомань закончил мыться. На нем была простая, чуть мятая нижняя одежда, он вытирал волосы полотенцем. Увидев, что Ду Хэн вытряхивает корзину, он спросил:

— Ты уже со всем управился?

— Угу.

Сяомань заметил, что у того всё получается на диво ладно:

— Как это ты всё уметь-то успеваешь?

Ду Хэн улыбнулся:

— Разве для этого не достаточно просто иметь руки? Раньше я не только над книгами сидел.

— Мы будем ужинать на кухне?

Сяомань кивнул:

— Да, там как раз можно подсушить волосы у огня.

Они снова сдвинули две скамьи на кухне и расставили еду. Наложили по миске риса. Сяомань не удержался и тут же отправил в рот порцию аккуратно нарезанного мяса. Обжаренная с соленьями постная свинина была в меру жирной и соленой. Он зажмурился от удовольствия:

— Ты уверен, что раньше не работал поваром?

И дело было не только в том, что блюдо было вкусным само по себе. У еды, приготовленной Ду Хэном, был тот самый «правильный» вкус – точь-в-точь как в городских харчевнях, куда отец водил его в детстве. И нарезано всё было мастерски.

— Моя матушка была поварихой. Учился у нее, глядя на то, что она делает, вот и запомнил кое-что.

Его настоящая мать владела рестораном, так что назвать её «поварихой» не было ложью. Она хотела, чтобы сын унаследовал семейное дело, и готовила его к этому, но он выбрал другой путь.

Ду Хэн смотрел на Сяоманя с распущенными влажными волосами; его щеки забавно раздувались от еды. Так он выглядел еще моложе, и в сердце Ду Хэна поднялась волна нежности.

— Если тебе такая стряпня по вкусу, я могу готовить и впредь.

Сяомань посмотрел на него в упор:

— Ты правда согласен?

Ду Хэн сжал палочки:

— Почему бы и нет.

— Мужчины редко заходят на кухню. Если будешь вечно крутиться у очага, люди снаружи начнут чесать языки.

Ду Хэн съел кусочек мяса. Что бы ты ни делал, люди всё равно будут болтать. Он не считал, что умение готовить унижает мужчину – в конце концов, большинство поваров в городских ресторанах – мужчины. Слова о том, что мужчине у плиты быть «зазорно», скорее всего, придумали сами же мужчины, чтобы отлынивать от домашней работы. Он живет у другого человека, ест его хлеб – значит, должен приносить пользу.

— Мне всё равно, что они скажут.

Сяомань был несказанно рад. Он в очередной раз похвалил себя за прозорливость и быстро положил Ду Хэну в миску еще мяса:

— Тогда готовь ты, у тебя это выходит куда лучше, чем у меня. Но... — Сяомань, несмотря на

радость, добавил серьезно: — Всё же нужно быть бережливым. Крестьянский дом – это не купеческая лавка.

Их семья в деревне считалась зажиточной: завтрак, обед и ужин были всегда, и на столе всегда было что-то сытное. В деревне хватало семей, которые ели дважды в день, да и то одну пустую похлебку, где риса почти не видать, а овощи пресные и безвкусные. Даже если в доме есть достаток, это не значит, что можно позволить себе мясо каждый день. Даже в семье его второго дяди – мясника с двумя взрослыми работающими сыновьями – мясо ели раз в два-три дня. Об излишествах речи не шло.

Ду Хэн отозвался:

— Хорошо, я буду знать меру.

Во время уборки он уже успел прикинуть запасы дома. Приготовив ужин, он окончательно понял, что есть в кладовой и как строится быт.

Сяоманю очень нравилось, что Ду Хэн не важничает «по-мужски» и с ним очень легко договориться – легче, чем с любым другим мужчиной, которого он знал. От этого и аппетит разыгрался: за ужином он съел три полные миски.

После еды Ду Хэн мыл посуду, а Сяомань пошел кормить скотину. Закончив с делами, Сяомань хотел было постирать одежду, которую снял после ванны, но руки так сильно зудели и ныли, что он не мог удержаться и постоянно их чесал. Стирка не шла на ум.

Он присел у очага и начал ковырять кожу на пальцах, пытаясь выдавить застрявшие в плоти крошечные колючки. Он уже докрасна искусал и исцарапал кожу, но ничего не выходило. Видимо, укололся, когда собирал каштаны без рукавиц.

Ду Хэн в это время надрезал каштаны, чтобы завтра их поджарить. Увидев, как Сяомань, склонив голову, чешется как мартышка, он присмотрелся, а затем молча встал и ушел в комнату.

—

<http://bllate.org/book/14888/1324406>